

Глава 8. У юноши закончились слова

— Мне всё равно, кто из вас пойдёт, — с удовлетворённой улыбкой кивнул Чжао Юйпин, не оставляя ему шанса передумать, и направился к помосту.

— Не трогай моё кресло, — Чжао Цзихэн отбил руку Мэн Хэцзэ, наконец-то почувствовав себя хозяином положения.

Мэн Хэцзэ не стал с ним спорить, а лишь громко обратился к толпе:

— Если я, по счастливой случайности, одержу победу, прошу позволить старшему брату Суну войти во внутреннюю школу!

— Кха-кха-кха! — Сун Цяньцзи от изумления поперхнулся и закашлялся, поспешно замахав руками. — Не нужно!

«Какого чёрта, кто вообще хочет во внутреннюю школу, не впутывай меня в это!»

— Что ты сказал?! — Чжао Юйпин резко обернулся, его взгляд, острый как нож, впился в Мэн Хэцзэ.

Старейшина из Зала Порядка, сидевший на помосте, провозгласил:

— Это возмутительно! Испытания проводятся для отбора лучших учеников во внутреннюю школу. Никогда ещё не было такого, чтобы кто-то сражался за другого.

Мэн Хэцзэ поклонился помосту:

— По уровню совершенствования и по личным качествам старший брат Сун превосходит меня в сто крат. Если я смогу это сделать, для него это будет и вовсе пара пустяков. Просто он ранен и не может сейчас сражаться. — Юноша без тени страха, чеканя каждое слово, заявил: — Ученик готов сразиться с каждым из претендентов!

Сказав это, Мэн Хэцзэ почувствовал, как тяжесть спала с его груди.

Сколько слов человек произносит за свою жизнь — правдивых, лживых, пьяных... Но он никогда не чувствовал такого удовлетворения, как от этой фразы.

С тех пор как он покинул дом, поднялся на гору и поступил во внешнюю школу Хуавэй, он всегда помогал другим, а ему самому помогали редко.

Он стремился к красочному миру бессмертных заклинателей, к настоящей, искренней дружбе.

Но жизнь была скучной и однообразной, день за днём тянулась без конца.

***

...до того самого падения с утёса вместе с Сун Цяньцзи.

«Если я и сегодня стерплю такое унижение, то мне будет стыдно использовать техники, которым научил меня старший брат Сун!»

Мэн Хэцзэ хотел доказать всем, и в первую очередь себе, что старший брат Сун не ошибся в нём, не зря его спас и не напрасно учил.

Чжао Юйпин вдруг рассмеялся, и это был первый раз за сегодня, когда его смех был искренним.

— Два старейшины, хотя такого прецедента и не было, правила отбора меняются каждый год. Редко когда среди учеников внешней школы находятся такие отважные и преданные. Почему бы не дать ему шанс?

Мэн Хэцзэ холодно усмехнулся:

— Благодарю дьякона Чжао за содействие.

Мэн Хэцзэ сошёл с ума. Кто в здравом уме добровольно вызовется на бой со всеми подряд?

В этот миг все присутствующие, независимо от их отношения к происходящему, думали об одном и том же.

Чжао Цзихэн выкрикнул то, что было у всех на уме:

— Эй, ты что творишь? Тебя что, Сун Цяньцзи околдовал, подчинил своей воле?!

— Позаботьтесь о старшем брате Суне.

Мэн Хэцзэ больше ничего не объяснял. Он лишь отдал распоряжение следовавшим за ним ученикам внешней школы и направился к центру площади.

За его спиной раздался голос Сун Цяньцзи:

— Не делай этого.

Мэн Хэцзэ обернулся и увидел, что Сун Цяньцзи нахмурился, выглядя несколько озадаченным.

Сун Цяньцзи твёрдо отказался:

— Мне не нужно, чтобы ты сражался за меня. В этом нет никакого смысла, и это совершенно не нужно.

— Нет, старший брат Сун. Я должен пойти!

Сун Цяньцзи вздохнул:

— Ну, тогда сражайся. Я уже отказался от участия, так что пойду.

Он внезапно поднялся. Чжао Цзихэн подскочил от удивления, словно увидел, как парализованный встал и пошёл.

— Ты... у тебя же рана, как ты...

— У меня ранены рука и плечо со спиной.

Чжао Цзихэн был в отчаянии:

— Ноги у тебя целы?! Тогда зачем тебя несли и тащили, что за спектакль?

— ...ты сам настоял на том, чтобы меня нести, — бросил Сун Цяньцзи, уходя.

Мэн Хэцзэ не ожидал такой реакции.

Тот был недоволен, даже зол.

Но Мэн Хэцзэ чувствовал, что поступает правильно. Он тихо позвал: «Старший брат Сун», — словно хотел что-то сказать.

Сун Цяньцзи не обратил на него внимания. Он прошёл сквозь толпу, направляясь прочь с площади, к яркому весеннему свету и зелёным горам.

Казалось, то, что собирался сделать Мэн Хэцзэ, его совершенно не касалось. Он не задержался

ни на мгновение.

И тогда Мэн Хэцзэ тоже замолчал и, повернувшись, пошёл в противоположную сторону.

— Прощу вас, преподайте мне урок!

Голос юноши остановил облака, а выражение его лица было полно решимости.

В этот момент его силуэт казался несокрушимым, но почему-то в нём сквозило одиночество.

***

Горная тропа извивалась, утопая в густой зелени.

Сун Цяньцзи шёл не спеша, ступая обдуманно и осторожно.

Он любовался пейзажем: могучими старыми акациями у дороги, белыми плывущими облаками в небе, беззаботными ласточками на ветвях и дрожащими от росы цветами персика.

Ученики внешней школы видели это тысячи раз, привыкли и не обращали внимания.

Но глаза Сун Цяньцзи сияли, как у ребёнка, впервые отправившегося на весеннюю прогулку.

Путь, который нужно было пройти, он уже прошёл в прошлой жизни, до самого конца.

Раз уж он решил жить по-другому, то и ходить нужно было по-другому.

Любоваться пейзажем — значит, просто любоваться пейзажем, а не представлять в нём удары меча и не пестовать в себе намерение меча.

Щебетали весенние птицы, журчали весенние ручьи, сиял весенний свет.

В конце горной тропы показались домики с белыми стенами и серыми крышами.

Жилища учеников внешней школы издали казались одинаково скромными.

Лишь подойдя ближе, можно было понять, что внутри они все разные.

Сун Цяньцзи жил в самом отдалённом, самом низком, самом тёмном и сыром домике.

Каждый раз в пасмурную и дождливую погоду его двор превращался в настоящее озеро, по которому, словно маленькие лодочки, кружились опавшие листья.

Он никогда не убирался и не обращал на это внимания. Во-первых, не было настроения, во-вторых, не было времени.

Он всегда вёл почти мазохистский образ жизни, заставляя себя сосредоточиться на совершенствовании, чтобы поскорее покинуть это место.

Таким было его пятнадцатилетие.

Унизительное, скучное, однообразное, одинокое. Погружённое в грязь.

Сидя в колодце, смотришь на небо, но как ни тяни шею, как ни вставай на цыпочки, не увидишь дворцов на вершине горы.

Старая деревянная дверь издала пронзительный скрип. Сун Цяньцзи, наступив в лужу, с улыбкой покачал головой.

Он закатал рукава, заправил полы халата за пояс, схватил из угла облезлую метлу и, взмахнув ею, словно мечом, с воодушевлением произнёс:

— За работу!

В мире существуют изящные техники фехтования, но не бывает изящных уборщиков.

Уборка листьев, выметание воды, починка крыши... Движения Сун Цяньцзи были неуклюжими, но он действовал терпеливо и тщательно, словно выполнял самое важное дело в своей жизни.

Время незаметно утекало сквозь щели в черепице, от полудня до заката.

Небо постепенно темнело, усталые вороны возвращались в гнёзда.

Холмы на горизонте окутались оранжевым закатным светом, словно готовые растаять в весенних водах.

Правая рука Сун Цяньцзи была ранена, он мог пользоваться только левой. Хотя и выглядел он нелепо, но на душе у него было спокойно и радостно.

И насколько он был спокоен, настолько же разгневанными выглядели те, кто его увидел.

Когда шестеро учеников вошли в его дворик, Сун Цяньцзи как раз копал землю лопатой.

Тесный дворик мгновенно заполнился людьми. Последнему пришлось стоять на пороге, но и он не переставал сверлить Сун Цяньцзи взглядом.

Они напоминали стаю разъярённых бойцовых петухов с взъерошенными перьями.

— Старший брат Мэн победил! — ледяным тоном произнесла девушка, стоявшая во главе группы. — Он один сражался триста раз.

Те, кто вышел на бой позже, проиграли не потому, что не могли его одолеть. Их охватило искреннее уважение и страх, они были потрясены его отчаянной манерой боя и не осмеливались выйти на арену.

— Ого, — Сун Цяньцзи не обернулся, продолжая копать.

За его спиной раздалось несколько ругательств. Очевидно, «петухов» разозлило его отношение.

— Он получил тяжёлые раны и сейчас находится в лечебнице внешней школы. Перед тем как потерять сознание, он думал о тебе и просил передать тебе это духовное лекарство.

Девушка достала ту самую духовную пилюлю, что ранее предлагал Чжао Юйпин.

— Не нужно.

Красивое лицо девушки на мгновение исказилось.

— Он за тебя чуть не погиб, а ты даже не хочешь его навестить? Неужели ты такой бессердечный и бесчувственный, что тебе совсем не страшно за него? Он ведь чуть... не умер!

К концу фразы её голос задрожал и перешёл в сдавленное рыдание.

Лопата замерла. Сун Цяньцзи покачал головой.

— Я не волнуюсь.

У Мэн Хэцзэ была бычья упёртость и железная воля. В прошлой жизни он выжил после падения с обрыва, выжил, объединяя путь зла, так неужели его убьёт толпа учеников внешней школы?

Волноваться за этого парня — всё равно что волноваться о том, когда же ему самому удастся спуститься с горы.

Мэн Хэцзэ вряд ли пойдёт с ним сажать поля, так что нет смысла завязывать с ним более тесные отношения.

Сун Цяньцзи не собирался позволять ему и дальше заблуждаться, считая его своим братом.

Многим казалось, что Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ не были близки.

И то, что один вдруг оказался готов умереть за другого, было, несомненно, очень странно.

— Я не знаю, что между вами произошло прошлой ночью, но старший брат Мэн — человек чистый душой, честный и порядочный. Его легко обмануть и использовать. Думаю, ты сейчас очень доволен собой, да? — Девушка сверкала круглыми глазами, её щёки пылали от гнева, что делало её ещё более красивой. — Но твоя совесть чиста? Я думала, ты просто гордец, но ты оказался ещё и коварным!

Сун Цяньцзи наконец обернулся.

Похоже, эти шестеро были дружны с Мэн Хэцзэ, поэтому и пришли сюда заступаться за него.

Сун Цяньцзи оглядел девушку во главе группы. Он смутно припоминал, что её звали Чжоу Сяюнь, она немного разбиралась в медицине, была весёлой и жизнерадостной, а также считалась одной из красавиц внешней школы.

К сожалению, он так привык к лицу Мяо Янь, что уже не различал красоту и уродство.

— Младшая сестра Чжоу, ты ошибаешься, — спокойно сказал Сун Цяньцзи. — Я тоже не хотел...

— Тьфу, лицемер! — сплюнул парень на пороге, запачкав только что подметённую Сун Цяньцзи землю. — Ты наконец-то попадёшь во внутреннюю школу, добился своего и ещё притворяешься!

Лицо Сун Цяньцзи похолодело.

От упоминания об этом он закипал.

Кто хочет во внутреннюю школу? Кто хочет совершенствоваться?

Я что, похож на человека, потерявшего надежду на жизнь и веру в будущее?!

— Кто сейчас больше всех желает смерти Мэн Хэцзэ? — спросил Сун Цяньцзи.

Ругань прекратилась. Все встретились с его холодным взглядом и почему-то содрогнулись.

Чжоу Сяюнь нахмурилась:

— Что ты имеешь в виду?

— Кому он перешёл дорогу, кого унизил, тот и желает ему смерти. Он тяжело ранен, без сознания, незащищён. Если с ним что-то случится, он даже не сможет сопротивляться, — голос Сун Цяньцзи стал тише, в нём появились смеющиеся нотки. — Вы знаете, какое лекарство он принимает? Какую воду пьёт? Как фамилия лекаря, который его лечит? Если его состояние ухудшится и он умрёт в лечебнице, это будет вполне закономерная смерть.

Чжоу Сяюнь похолодела и инстинктивно отступила.

— Больше всех его смерти желаю не я. Что вы все здесь делаете? — Сун Цяньцзи сделал два шага вперёд. — Ждёте, что я вас ужином накормлю?

— Ты... ты... — кто-то хотел было возразить, но Чжоу Сяюнь остановила его жестом.

— Ладно, безопасность старшего брата Мэна важнее.

Группа пришла с грозным видом, а ушла поспешно.

Лишь несколько злобных голосов донеслось из-за забора:

— Ты ещё пожалеешь!

Сун Цяньцзи усмехнулся, снова взял лопату и, опустив голову, принялся за работу.

«Эх, всё-таки молодые ещё, неопытные. Даже ругаться толком не умеют, словарный запас бедный».

***

Мэн Хэцзэ был так же молод, как и они, и у него тоже закончились слова.

— Где ты научился этим тёмным искусствам?

Тяжёлое давление почти раздавило его внутренние органы, но он, сжав губы, молчал.

Как победитель всех сражений, он должен был получить благословение и поздравления всей внешней школы.

Но Чжао Юйпин приказал тайно записать каждый его поединок с помощью Нефритового диска, хранящего изображения.

Сразу после окончания испытаний записи были отправлены во внутреннюю школу на суд старейшин Зала Обучения, сведущих во всех видах техник.

Через полчаса Мэн Хэцзэ был вынесен из лечебницы и доставлен на допрос в Зал Порядка.

— Кто тебя научил? И когда?

Мэн Хэцзэ, ничего не выражая, пребывал то в сознании, то в забытьи от нестерпимой боли во всём теле.

Вопросы учеников Зала Порядка вонзались в уши, звуча то близко, то далеко, как колеблющиеся тени деревьев за окном в сумерках.

Юноша упрямо молчал.

Он не хотел называть имя Сун Цяньцзи, и потому у него просто закончились слова.

<http://bllate.org/book/16982/1582181>